

Нужна ли современным теориям экономики методологическая культура политико-экономического исследования?¹

Карасёва Людмила Аршавировна

доктор экономических наук, профессор

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь, Российская Федерация.

E-mail: karasevatvgu@yandex.ru

Аннотация. В условиях, когда формируется главный содержательный смысл выбора российского пути движения вперед, как никогда, актуализируется проблема формирования экономической теории, адекватной современному этапу развития национальных и мировой экономик, хозяйственные системы которых находятся в состоянии глубокой трансформации. Экономическая наука в «новой реальности» сталкивается с такими явлениями как социализация экономической жизни современного общества, экономизация и финанализация политики и политизация экономики в условиях процесса глобализации, снова выдвигая на первый план вопрос о месте и направлениях развития политической экономики в экономической науке. Следовательно, серьезно стоит вопрос о парадигме современной экономической теории, которая бы впитала в себя отражение и этих новых процессов. Поэтому данный материал является своеобразной попыткой встроиться в продолжающуюся дискуссию о месте и развитии политической экономики, о расширении предмета экономической теории [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7; 8], предложив авторский методологический взгляд на принципиальные вопросы дискуссии. Участие в дискуссии важно и с точки зрения позиции преподавателей-исследователей, ведущих дисциплины, включенные в том или ином качестве в экономическую теорию. А это означает, – развивающих критериально-ценностное социально-экономическое мировоззрение будущих специалистов, их методологическую культуру исследования.

Ключевые слова: нереализованный потенциал методологической культуры исследования; методология политико-экономического исследования; специфика исследования хозяйственных систем, находящихся в глубокой трансформации; глобализация и глобальный капитал

JEL codes: A13; A14; B40; B41

DOI: <https://doi.org/10.52957/2221-3260-2024-8-12-24>

Для цитирования: Карасёва, Л.А. Нужна ли современным теориям экономики методологическая культура политико-экономического исследования? / Л.А. Карасёва. - Текст : электронный // Теоретическая экономика. - 2024 - №8. - С.12-24. - URL: <http://www.theoreticaleconomy.ru> (Дата публикации: 30.08.2024)

Постановка проблемы

Тема, вынесенная на обсуждение, требует методологического осмысления и уточнения целого ряда принципиальных положений:

- 1) какие современные проблемы мировой и национальных экономик вызывают необходимость использования потенциала методологии политико-экономического исследования, развивающей методологическую культуру исследования современных системных проблем экономик;
- 2) почему мы решили остановиться именно на потенциале политико-экономического подхода;
- 3) о каком нереализованном потенциале методологии политико-экономического исследования идет речь как для экономической теории, так и для других теорий и аспектов исследования экономики

Однако прежде, чем начать раскрывать обозначенные выше положения, необходимо остановиться на ряде вопросов:

- 1) в чем состоит специфика хозяйственных систем, находящихся в глубокой трансформации;
- 2) в чем особенность методологии исследования таких хозяйственных систем;

1 Статья написана по итогам выступлений на X Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием) «Экономическая наука в новой реальности: от догмы к истине», состоявшейся 6 марта 2024 г. в Финансовом университете (г. Москва) и VIII Международном политэкономическом конгрессе имени А.В. Бузгалина, проходившем в рамках VI Московского академического экономического форума (МАЭФ-2024) 16-17 мая 2024 г. (Москва)

3) каково авторское представление о нереализованном потенциале исследования современных хозяйственных систем в условиях их глобальной глубокой трансформации.

Что касается первого положения, то для поставленной в теме проблемы принципиальное значение имеет характеристика этих систем как таких, в которых изменения затрагивают их социально-экономическую природу. При этом изменения нового образования в них достигают такого уровня концентрации, который недостаточен для перелома в пользу становящейся формы, но уже обеспечивает невозможность возврата к старой [9].

Здесь кроется важный аспект исследовательского потенциала современных хозяйственных систем, в том числе и проблемы их глубокой трансформации, обусловленной столкновением двух процессов: с попыткой сохранения корпоративным капиталом глобальной гегемонии и становящихся новых отношений, проявляющихся в процессе, который современные авторы трактуют как деглобализация [10; 11].

К использованию термина «деглобализация, мы еще вернемся. Здесь пока подчеркнем, что речь идет о необходимости различения фаз исследования:

- 1) становление экономического отношения (системы) для понимания его (ее) социально-экономической природы;
- 2) рождение (строение и внутренний механизм осуществления (реализации) социально-экономической природы);
- 3) функционирование через встраивание в более сложную систему для выполнения функций (развитие +; -).

Что это дает? Дает четкое понимание, что фазы требуют особых подходов и методов исследования, в частности, различения и взаимосвязи генетического и структурного (структурно-уровневого), функционального подходов.

Так как аспект исследования экономической действительности на современном этапе актуализирует функционирование социально-экономических отношений, их жизнь в рамках одного определенного этапа развития, то в этом случае категории «сущность и явление» есть «сущности разных порядков», но тогда они по-разному выражают единство многообразия действительности [12, с. 75].

Становится очевидным, что исследования современных проблем хозяйственных систем мировой и национальных экономик требуют использования потенциала методологии политико-экономического исследования. Но почему именно потенциала политико-экономического подхода? Политико-экономический подход, концентрирует внимание на проблемах осуществления экономических отношений в производстве через призму реализации экономических интересов. Это позволяет выстроить систему логико-смысловых (общих) взаимосвязей, оформить их через категориальный аппарат, отражающий: а) внутреннее единство системы, б) внутренний механизм ее жизни (она для себя), в) выполнение ею функций в той или иной более сложной системе, а, следовательно, и развитие (как с +,

такс-). Появляется возможность выйти на проблемы становящихся, ставших, функционирующих и развивающихся социально-экономических отношений; а, следовательно, и хозяйственных систем, находящихся в условиях глубокой глобальной трансформации [13; 14].

Поэтому в русле обозначенной темы нами выделен аспект глобализации, представленный в работе ученых Бузгалина А.В. и Колганова А.И. во втором томе большого двухтомного труда «Глобальный капитал» [15]. Такой выбор объясняется тем, что в этой работе продемонстрирована методологическая культура политико-экономического исследования процесса глобализации, позволившая предвидеть многое, с чем современные экономики столкнулись сегодня. Нами не ставится задача раскрытия содержания материала. Задача состоит в том, чтобы показать, как подается этот материал читателю через обоснование принципов, методов и технологии исследования, а через это предложить авторское видение нереализованного потенциала методологической культуры

исследования современных проблем трансформации хозяйственных систем.

Методы исследования

Прежде, чем перейти к непосредственному раскрытию обозначенной выше проблемы, остановимся на методах, на которые будем опираться далее. В силу того, что дальнейшее изложение будет касаться обсуждения и обоснования принципов, методов и технологии исследования современных проблем трансформации хозяйственных систем, сделаем акцент лишь на принципиально важном для автора - марксистской методологии политико-экономического исследования, актуальном и значимом по сей день.

В первую очередь это диалектический метод, примененный в политической экономии, открывший ее исторический характер в том смысле, что ее предмет исторически обусловлен, а, следовательно, обусловлены и ее категории и законы. Особенность диалектики и в том, что она носит материалистический характер. В частности, капиталистический способ производства представлен в процессах становления, функционирования, развития и тенденциях, которые рождают силы противоположности. Тем самым метод диалектического материализма в социально-историческом аспекте как метод исторического материализма позволяет выйти на необходимость исследования производительных сил в их противоречивом единстве с производственными отношениями; на производственные отношения как формы развития производительных сил; на противоречия, разрешаемые на определенных этапах развития способа производства в границах существующих производственных отношений, но при расширении и углублении которых наступает ограничение развития производительных сил.

Метод восхождения от абстрактного к конкретному, развертывание отдельных категорий как по горизонтали, так и по вертикали, превращение одних в другие, придающие конкретному глубоко теоретическое значение, являет собой образец особенности применения метода в политико-экономическом исследовании капиталистического способа производства. Это и вопрос о пределах абстракции, особенно актуальный в современных дискуссиях о сохранении специфики предмета политической экономии; это и вопрос о конкретности абстракций как относящихся к исторически обусловленной формации, а потому не произвольных; это и технология перетекания одной теории в другую, согласования их элементов и т.п., представляющих единое целое, конкретное как единство многообразия; это и построение каждой из теорий как взаимосвязи понятий, отражающих определенное явление хозяйственной действительности.

Важное значение для дальнейшего изложения имеет логическое построение политико-экономического исследования в единстве логического и исторического, когда теоретическая модель является оформлением многообразной, хаотичной реальности, приводящим ее в определенный порядок.

«Обсуждаемая проблема имеет прямое отношение к вопросу о соотношении теории и практики ... Обобщая эмпирические данные, моделируя реальность, важно, с одной стороны, чтобы модели были научными, удерживающими социально-экономическую природу того явления, которое моделируется, а, с другой, – сохраняющими отношение к реальности. Только тогда они позволяют глубже познать, а, следовательно, и успешно преодолевать возникающие затруднения и проблемы в практике» [16, с. 97].

Столь же важна и специфика использования в марксистской политической экономии методов формальной логики – индукции и дедукции, анализа и синтеза, всегда «привязанным» к исторической определенности объекта политической экономии: не просто экономический человек, а существующий в определенном способе производстве, на определенном этапе его развития (например, капиталист – персонифицированный капитал) и т.п. Или использование в единстве с анализом генетического метода, чтобы из поиска единого основания, полученного из анализа разных форм, затем вывести из него разные формы (блестящее развертывание прибавочной стоимости в прибыль, среднюю прибыль и ее формы). Или взаимопереход анализа и синтеза при исследовании денег и др.

Обозначенное выше является дополнительной аргументацией, почему именно потенциал политико-экономического подхода будет рассматриваться в данной статье.

Нереализованный потенциал методологической культуры исследования современных хозяйственных систем в условиях их глобальной трансформации

Считаю необходимым остановиться на ряде методологических аспектов.

В первую очередь перед исследователем всегда встает вопрос: какова ключевая сквозная идея, вокруг которой строится исследование, формируется понятийный аппарат, описывающий те или иные свойства, которые позволяют уяснить, почему именно они, а не другие, обеспечивают целостность и результативность осознания автором проблемы исследования.

Следовательно, возникает необходимость разобраться в характере взаимосвязей, с которыми приходится иметь дело. Однако, как показывает целый ряд научных публикаций (особенно молодых ученых), в этом имеются большие сложности. Часто выводы, полученные на основе эмпирических исследований, трактуют случайные пространственные связи как существенные, рассматривают косвенные взаимосвязи под воздействием каких-либо внешних факторов как причинно-следственные, функциональные.

Сегодня, как уже отмечалось, актуализировалась дискуссия о взаимосвязи двух процессов, четко обозначившихся в мировой экономической системе: экономизации политики и политизации экономики, ярко проявившихся в методах и инструментах реализации попытки сохранения глобальной гегемонии корпоративным капиталом. Но какова социально-экономическая природа этой взаимосвязи, внутренняя логика ее реализации. Ответы на эти вопросы пока еще ищутся через описание форм осуществления политической и хозяйственной жизни.

Понятно, что осмысление социально-экономической природы новых форм осуществления политической и хозяйственной деятельности в условиях их становления возможно на основе накопления и исследования их форм проявления в практике, выявления признаков, их свойств и пр., но важно понимать, какие из них носят случайный или неустойчивый характер.

Часто, ограничивая рамки исследования тем или иным уровнем отношений (экономическим, организационно-экономическим, институциональным и др.), в качестве базового понятия используют формулировки из других слоев отношений, или, опираясь на трактовки тех или иных исследователей, даже не задумываются о том, что они могли исходить из разных методологических оснований (принципов исследований). В частности, это касается и исследований процессов глобализации, деглобализации, глокализация и др. В связи с чем возникает вопрос: можно ли без различения объективных основ, причин глобализации и их социально-экономической природы (специфической социально-экономической формы), теоретически осмыслить развернувшиеся контртенденции глобализации процессы.

Здесь мы не можем оставить без внимание важное замечание д.ф.н. Чумакова А.Н. о важности «анализировать и вскрывать суть вещей, формулировать правильные смыслы и показывать несостоятельность, а то и абсурдность таких понятий и выражений, которые, на первый взгляд, выглядят красиво, привлекательно, а по существу являются словесными муляжами, обманками, «мухоморами» не только обыденного, но и научного языка» [17]. Согласимся и с тем, что «сводить понимание глобализации к одной из ее составляющих (экономической, политической или какой-то еще) или даже к некой их определенной совокупности неправомерно» [17, с. 28]. Но разве не принципиально важно, понимая, что глобализация «... объективно-исторический процесс формирования планетарных структур, связей и отношений в различных сферах общественной жизни» [17, с. 27], задаться вопросом, «в чем же состоит это новое качество социопространственного бытия современного мира ...?» [15, с. 551]. Столь же важно поставить вопрос о том, о чем по сути свидетельствуют признаки «бытия современного мира», названные факторами движущих сил деглобализации, в статье Тюриной Ольги Андреевны «Деглобализация: миф или реальность»: «Политические изменения: изменения в политических системах, приход к власти протекционистских

режимов, которые отдают приоритет национальным интересам и суверенитету; ... Рост национального протекционизма: Стремление государств укрепить свою экономику и защитить свои интересы путем ограничения внешних экономических связей; Тенденции деинтернационализации предприятий: уход от глобальных стратегий в пользу более локализованных подходов к бизнесу» [11, с. 265].

Обратимся к работе А.В. Бузгалина и А.И. Колганова, посвященной глобальному капиталу, чтобы на ее примере проследить развертывание исследования общественного отношения, принципиального для современного этапа, своеобразно окрашивающего спецификой осуществления все слои отношений во всех сферах социальной жизни.

Поставив перед собой цель, состоящую в изучении объективных технологических, социально-экономических, политических и т. п. основ глобализации, обобщении их противоречий [15, с. 550], они перешли последовательно к следующим шагам и уровням исследования. Глава 1 Капитал как глобальное явление, или Политэкономия глобализации. Содержание Главы развертывается через подпункты, сами говорящие за себя: Глобализация: вводные замечания, Глобализация производительных сил, Глобализация производственных отношений.

В первом подпункте на основе критериального анализа существующих точек зрения зарубежных и российских авторов подготавливаются исходные теоретические послышки, формируется авторская позиция по базовой рамочной трактовке процесса глобализации: «...глобальная гегемония корпоративного капитала как особая социальная форма интернационализации, «глобализация по-капиталистически». Это и есть социопространственное бытие противоречий всемирной гегемонии глобального капитала» [15, с. 567].

Через подпункты 2 и 3 авторами раскрываются, как они выражаются, «основные пласты процесса глобализации»: глобализация производительных сил, глобализация производственных отношений [15, с. 558]. Завершая раздел, ученые подчеркивают, что исходным пунктом, «клеточкой глобальной гегемонии капитала является новое общественное отношение корпоративного доминирования и манипулирования, рождающее власть корпоративных сетей над рынком и даже шире – экономикой, обществом и человеком. Оно становится системным качеством глобализации» [15, с. 567].

В рамках нашей темы данный вывод принципиален и важен тем, что именно это системное качество глобализации пронизывает процессы, происходящие в национальных и мировой экономиках, придавая им специфическую динамику.

Это особенно ярко проявляется при переходе авторов к исследованию структуры и механизма жизнедеятельности современного корпоративного капитала. Начинается этот анализ (подчеркнем) с анализа анатомии корпоративной сети, выделяя все ее этажи с их горизонтальными и вертикальными связями. Но их устойчивость обеспечивается системным качеством – способностью этой сети как целого оказывать внешнее локальное регулирующее воздействие на рынок, быть субъектом гегемонии [15, с.569].

Позволим себе ремарку: одновременно возникает необходимость включения методологии структурных уровней и субъектного подхода. Речь идет о субъекте – «...генерирующем «поле зависимости» и субъекте внутренней корпоративно-капиталистической гегемонии» [15, с. 573]. Цитирую авторов: «корпоративная группа превращается в мини-общество, где складывается своя система производственных отношений (но не только). Основная власть в ней принадлежит корпоративной номенклатуре – ограниченному кругу частных лиц, «приватизировавших» не собственные объекты, а преимущественно основные права собственности, каналы власти» [15, с. 577].

И снова ремарка: разве это не сигнал к осмыслению возможности включения в анализ продуктивной методологии других научных школ для развития экономической теории. В частности, использование позитивного методологического опыта Economics в применении субъектного подхода к исследованию процесса функционирования хозяйственных систем [18], правда, на базе рыночной парадигмы, что и вызывает у нас определенную критику. Кроме того, как справедливо отметил профессор Пороховский А.А., «...как известно, неоклассическая теория сосредоточена на рыночной

сфере экономики. ... чем сложнее становится экономика, тем больше Экономикс нуждается в расширении междисциплинарных исследований, которые по-своему дополняют неоклассику» [18; с. 84].

Вернемся к обсуждению проблемы глобализации в работе «Глобальный капитал» А.В. Бугалиным и А.И. Колгановым. Предыдущим анализом структуры и механизма жизнедеятельности современного корпоративного капитала авторами подготавливается переход к устройству механизмов взаимодействия кланово-корпоративных структур между собой и с «третьими лицами» [15, с. 577]. Заметим, включение их с их функциями в более сложную систему отношений. Цитирую: «...это исследование не сущностных черт современного капитализма, а их разнообразных форм проявления» [15, с. 577]. По мнению авторов, это задача – менее сложная, так как эти формы описываются целым рядом дисциплин, призванных описывать эти механизмы: от микро(макро)-экономики, менеджмента и финансов до теорий отраслевых рынков и т.п. И далее ключевое: ученые ставят перед собой цель: «критически синтезировать в единую систему эти знания, показав, как эти проявления взаимосвязаны с сущностными механизмами гегемонии капитала» [15, с. 577]. Отсюда следующий подпункт не случайно назван «Ещё раз к вопросу об ECONOMICS, маркетинге, менеджменте и финансах как областях изучения превратных форм позднего капитализма» [15, с. 578].

Почему это принципиально для авторов. Да потому, что (цитирую) «известные всем и господствующие ныне экономические дисциплины ... отражают прежде всего превратные формы, ... не только скрывающие сущностные отношения гегемонии капитала, но и создающие объективную видимость иного содержания капиталистической экономики... На практике, на уровне явления происходит, в связи с этим, «чрезвычайное огрубление и идеализация действительных, эмпирически наблюдаемых процессов» [15, с. 578].

Разве можно не согласиться с авторами? Оставаясь в исследовании в теоретических и методологических рамках только одной специальности, происходит своего рода одностороннее идеализированное отражение реальной хозяйственной жизни, когда её внешние признаки проявлений заявляются как существенные новые свойства, а по сути, это могут быть деформированные формы проявления лишь становящегося нового, но которое не может быть пока принято как ставшее в условиях действующего институционализированного хозяйственного механизма. Так, на сколько корректно без включения в анализ социально-экономической природы государства можно рассуждать о его регулирующей роли, о разного рода государственной политике, когда становящаяся планомерность, подчиненная институционализированному рыночному механизму, проявляется по результату в деформированных формах, например, по качеству выполнения государственных заказов, оказанию услуг и прочее.

Примененный авторами методологический подход позволяет выйти на актуализацию проблемы превращения форм социально-экономических отношений в ходе их реализации через различие процессов их модификации и деформации в условиях глубокой трансформации хозяйственных систем [9].

Критерием различения модификации и деформации экономических отношений как характеристик процесса их превращения в ходе опосредования другими слоями отношений в процессе их осуществления в той или иной хозяйственной системе является, по нашему мнению, тип изменения социально-экономической нормы существования отношения при его реализации (в данном случае речь идет о внутренней форме отношения, понимаемой как его закон). А именно – изменения в виде корректировки нормы или изменения в виде её перенормирования. На этой основе можно выходить на анализ действительности или мнимости их функционирования, рациональности или иррациональности деятельности их субъектов (последнее понимаем как действие в соответствии или нет с их статусной экономической ролью).

Продолжим. Всем предыдущим анализом автором подготовлена Глава 2 «Глобализация: социо-политическое, социо-пространственное и социокультурное измерения», посвященная «...

блоку проблем, связанным с над-экономическими сферами проявления глобализации» [15, с. 584]. Заканчивается раздел Главой 3 «Тотальная гегемония корпоративного капитала как катализатор глобальных проблем человечества». Своеобразная критериальная систематизация этих проблем и противоречий, их порождающих, как доказательство того, что особая позднекапиталистическая форма прогрессивного процесса интернационализации «... может и должна быть снята, преодолена. Интернационализация может и должна приобрести новые общественные формы» [15, с. 551].

И снова наша ремарка. Мы обратили внимание именно на выделенный аспект в связи с его практической и методологической актуальностью в рамках нашей темы. Современный этап функционирования мировой хозяйственной системы демонстрирует обострение противоречия между субъективно установившейся институциональной структурой мировой экономики, поддерживающей интересы и «теневую власть» глобалистов, и объективной социально-экономической природой трансформации процесса глобализации, требующей учета соотношения национально-государственных и мирохозяйственных интересов. А это имеет прямое отношение к экономико-теоретическому осмыслению становящейся новой формы интернационализации.

Эти проблемы, по мнению авторов, «как бы синтезируют все виды, формы и методы данной гегемонии, делая ее всеобщей, глобально-противоречивой во времени и пространстве. ... Однако капитал ... порождает в своем воспроизводстве и силы, противостоящие его власти и доминированию» [15, с. 656].

В этом отношении можно сделать вывод о продуктивности использования метода структурных уровней. При этом становится очевидным, что нельзя произвольно выбирать для исследования какой-либо уровень или аспект хозяйственной системы, не опираясь на знание других, более существенных ее уровней [12, с. 75].

Многие годы из курса экономической теории исключалась проблема взаимодействия производительных сил и социально-экономических отношений. Но давайте обратимся к нашему опыту построения социализма. Индустриальные производительные силы, развивавшиеся в нашей стране в тот период, объективно являлись силами капиталистических отношений, предопределяя адекватные организационно-экономические, институциональные и прочие отношения. Субъективно оформленный волевой механизм жизни хозяйственной системы, предлагающий иные формы реализации производительных сил, не смог остановить процесс их капитализации, правда, в деформированных формах проявления, о которых сегодня много говорят.

Сегодня чрезвычайно большой исследовательский интерес к проблеме влияния новых информационных технологий, искусственного интеллекта на мировую и национальные экономики и общества, которые сами по себе лишь новый инструмент, положительный потенциал которого может быть реализован опосредующими его реализацию адекватными социально-экономическими, организационно-экономическими, институциональными отношениями. Отметим, в частности интересную и содержательную диссертацию Гудковой Т.В. на тему: «Трансформация фирмы в условиях цифровой экономики», представленную на соискание ученой степени доктора экономических наук по специальности 5.2.1 – экономическая теория, в отзыве на автореферат которой, нами было высказано предложение для дальнейшей работы, состоящее в том, чтобы учесть противоречивую специфику реализации новых технологий. Нами было подчеркнуто, что, с одной стороны, их специфика требует с необходимостью оценки рисков для мирового, национальных государств и обществ, предполагая включение межгосударственного, государственного и общественного контроля в механизм их функционирования. А, с другой, – в рамках субъективного механизма их внедрения и реализации под влиянием частного интереса, новые технологии могут приводить к отрицательным полезным эффектам и результатам для тех, кто их использует [19]. При этом «риски могут возникать в любом слое отношений, реализующих современные инновационные технологии. В социально-экономическом, отражающем социально-экономическую природу капитала, иницирующего и внедряющего технологии; в организационно-экономическом, связанном с принятием управленческих решений;

институциональном, определяющим формальные и неформальные нормы функционирования технологий; собственно хозяйственном, где сталкиваются хозяйственные интересы субъектов, формирующих, принимающих и реализующих хозяйственные решения» [19; 9, с. 78]. «В связи с этим всякий раз перед исследователем будет стоять вопрос по выявлению специфических рисков, связанных с реализацией господства глобального капитала и силами, противостоящими его власти и доминированию.

Нельзя обойти стороной воспроизводственный аспект анализа, без которого невозможно уяснить направление развития хозяйственной системы, реализацию ее структурными элементами своих внутренних потенциалов. Можно ли сегодня дать полноценную системную характеристику трансформации образования без воспроизводственного подхода, позволяющего раскрыть внутреннюю противоречивость этого процесса. С одной стороны, объективный процесс формирующегося заказа на целевую направленность всех образовательных процессов разных уровней и разных масштабов (в стране и в регионах) не на одностороннее, а многогранное формирование человека и как специалиста, и как личности с природой ценностей и мотивацией деятельности, требующего соответствующих изменений не только социально-экономических отношений, но и организационно-экономических, институциональных, опосредующих реализацию становящегося нового содержания образования. А, с другой, – субъективная форма его осуществления в рамках действующих институциональных, организационно-экономических, собственно хозяйственных норм, приводящая к воспроизводству человека как носителя рабочей силы, человеческого капитала.

Институциональный подход был бы более органичен в экономико-теоретическом исследовании, если бы опирался на более существенные уровни реализации социально-экономических отношений, экономических интересов их субъектов, которые институционализируются. Представляется продуктивным различение институционализации экономических интересов и процесса их институционализации. Это не игра слов. Институционализация экономических интересов это объективный механизм их реализации, предопределенный социально-экономической природой экономической системы. Институционализация экономических интересов — это процесс создания и конструирования набора разноуровневых норм, статусов, ролей и приведения их в систему, которая способна действовать в направлении эффективного социально-экономического развития [20, с. 46-47].

Экономически господствующая форма собственности, а, следовательно, господствующие экономические интересы, субъективно осознаваясь господствующими хозяйствующими субъектами, через власть будут формировать формальные институциональные нормы для их реализации. Другими словами, через институты и институциональные нормы, они обеспечивают воспроизводство своего господства в экономике, подчиняя себе субъективный хозяйственный механизм, перераспределяя национальное и наднациональные богатства в свою пользу [21, с. 26].

Спросим себя. Возможен ли был бы представленный в обсуждаемой работе ученых А.В. Бузгалина и А.И. Колганова анализ без интеграции прогрессивных достижений других научных школ? Наверное, нет. Но это потребовало согласования и упорядочивания методологической культуры исследования, а следовательно, и языка, на котором ведется дискуссия, включая технологии понимания и критики других авторов во имя развития экономической теории. Сошлемся также на актуальное замечание

М.И. Воейкова, высказанное им еще в 2005 в рецензии на книгу С.С. Дзарасова, С.М. Меньшикова, Г.Х. Попова «Судьба политической экономии и ее советского классика» [22], изданную к 100-летию профессора

Н.А. Цаголова. М.И. Воейков пишет: «... не только «нужно создавать новый постклассический синтез экономической теории, активно овладевать новыми направлениями западной экономической мысли. Нужна и специальная экономическая теория для случая России, которая была бы не альтернативной мировой экономической науке, а представляла бы ее органическую, но все же особую,

часть» [23, с. 173].

Главный содержательный смысл выбора российского пути неразрывно связан с теоретическим пониманием важности учета генетического кода (национально-особенного) общественной системы (в том числе хозяйственной), проблемы механизма его устойчивости, факторов, влияющих на направленности его изменений, для понимания и учета мотивационного поведения членов общества (хозяйственного, социального, политического и пр.). А это означает, что настало время глубокого изучения национальной экономики во всем многообразии сторон, раскрывающих социально-экономическую природу ее существующего общественно-хозяйственного строя на разных этапах развития.

Вместо выводов. Что может дать методологическая культура политико-экономического исследования современным теориям экономики

Накопленный методологический багаж политической экономии может служить надежной опорой в развитии экономической теории, предложив методологический взгляд на принципиальные вопросы дискуссии:

1) каков ценностный и методологический базис проблемы развития марксистской экономической теории (например, в тесном взаимодействии с новыми альтернативными неоклассике научными школами, например, – новой марксистской политической экономии, опирающейся на идею неомарксистского синтеза (В.Т. Рязанов) или модального расширения предмета экономической теории – мультимодальный синтез (В.П. Федоров), др.);

2) каковы методологические основания поиска условий и механизма встраивания в проблемное поле новой экономической теории теоретических разработок неортодоксальных научных школ, уточнения или развития ее категориального аппарата.

Почему останавливаемся, задавая рамки этой части материала, на этих двух авторах? Дело в том, что в вышедших монографиях [6; 24], авторами которых они являются, предложены решения поставленной проблемы, но с акцентами на разных ее сторонах. Если В.Т. Рязанов преимущественно с позиции (в нашей терминологии) механизма реализации социально-экономических отношений, под которым понимаем субординированное опосредование в ходе реализации отношений глубинного уровня организационно-экономическими, институциональными отношениями и выход их на поверхностный собственно хозяйственный уровень (трансформация объективных в субъективные отношения). То В.П. Федоров – в обратном направлении: как хозяйствующие субъекты через принятие решений и их реализацию во взаимодействии воздействуют на базисные экономические отношения (переход субъективного в объективное). По нашему мнению, в ответе на вопрос, как объективное переходит в субъективное, а субъективное становится объективным, влияя на социально-экономическую сущность хозяйственной системы, состоит ключевая исследовательская проблема, без решения которой расширение предмета экономической теории, методологически не будет обосновано.

Тогда появится методологическое основание преодоления крайностей в дискуссии о построении экономической теории, «исходя либо из примата надсубъектных – овеществлённых форм социально-экономических отношений, либо выводя отношения из поведения экономических субъектов, действующих субъективно» [16, с. 97].

Почему данная исследовательская проблема представляется важной? Недооценка влияния субъективной деятельности хозяйствующих субъектов, их субъективного восприятия окружающего мира, мотивационной направленности на глубинные процессы, уточняющие, развивающие социальные (в том числе, социально-экономический) геномы, приводит к упрощенному пониманию механизмов трансформации хозяйственных систем современного мира под влиянием современной научно-технической революции. Это тем более важно на современном этапе развития нашего общества, выбирающего свое будущее.

В рамках собственно хозяйственного подуровня хозяйственной системы актуализируется

субъективное восприятие хозяйствующими субъектами действующих организационно-экономических и институциональных норм и институтов, социально-экономических ролей, социально-экономических статусов. Они субъективно осознают свое место в общественном производстве, интересы, институциональные и организационные условия своей хозяйственной деятельности, воспринимая предлагаемые хозяйственные формы и нормы «как сигналы, своеобразные стимулы, которые предстают как кванты информации, по критерию соотношения результата и затрат» [24, с. 199, 202-203].

В этих условиях велика роль государства с его функциями и институтами, как источника норм, становящихся стимулами определенного поведения, а также наделенного значительными исполнительными компетенциями, которые государство реализует, проводя различные политики. Это дает основание, как считает В.П. Федоров, рассматривать

«... особый алгоритм работы государства как источника стимулов», суть особенности которого в целевой ориентации «не на сделку с конкретным субъектом, а на формирование заинтересованности в воспроизводстве норм, правил и институтов функционирования экономической системы» [24, с.207].

В рамках анализируемой темы важно обратить внимание, что особый уровень реальности, относительной независимости от производственных отношений нам видится в том, что спонтанно, стихийно возникающие нормы хозяйственной деятельности в случае неадекватности формальных институциональных норм их социально-экономической природе и структуре сложившихся экономических интересов при их воспроизводстве приводят к стихийному возникновению новых неформальных институциональных норм, регулирующих хозяйственные поведения и взаимодействия, становясь элементами хозяйственного механизма системы.

Поэтому, формируя субъективно механизм становления нового качества хозяйственной системы, с одной стороны, важно четко представлять объективный механизм реализации этого качества. А с другой, – скрупулезно анализировать и систематизировать проблемы действующей экономики с точки зрения движения к этой цели. Без этого субъективный механизм становления разработан быть не может. Подчеркнем, не аспекты формирования, а именно система хозяйственных форм, норм и стимулов (институциональных, организационно-экономических, собственно хозяйственных), постепенно развертывающая устаревшую систему на новый путь.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Клейнер Г. Системная экономика как платформа развития современной экономической теории // Вопросы экономики. – 2013. – № 6. С. 4–28;
2. Фуруботн Э.Г., Рихтер Р. Институты и экономическая теория. Достижения новой институциональной экономической теории. СПб.: Издат. дом Санкт-Петербур. гос. ун-та, 2005. – 701 с.
3. Цаголов Г.Н. Политэкономия будущего // Вопросы политической экономии. 2015. №2. С. 39–51.
4. Бодрунов С.Д. Ноономика / Монография / М.: Культурная революция, 2018. – 432 с.
5. Бузгалин А.В. Закат неолиберализма (К 200-летию со дня рождения Карла Маркса) // Вопросы политической экономии. 2018. №2. С. 122–144.
6. Рязанов В.Т. Современная политическая экономия: перспективы неомарксистского синтеза / В.Т. Рязанов. – Санкт-Петербург: Издательство Алетейя, 2019. – 436 с.
7. Бондаренко В.М. Постковидный мир: необходимость перехода на новую парадигму развития / В. М. Бондаренко // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). – 2021. – Т. 12. № 3. – С. 254–273.
8. Бузгалин А.В., Глазьев С.Ю. Российское образование в области экономической теории: необходимое обновление // Российский экономический журнал. 2022. №5. С. 4–21.
9. Карасёва Л.А. К дискуссии о трансформации хозяйственных систем и проектировании из будущего / Л.А. Карасева // Экономическое возрождение России. – 2022. – № 1(71). – С. 75-83. – DOI 10.37930/1990-9780-2022-1-71-75-83. – EDN EGMZLN.
10. Комолов О.О. Деглобализация: новые тенденции и вызовы мировой экономике // Вестник Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова. 2021. Т. 18, № 2. С.34–47.
11. Тюрина О.А. ДЕГЛОБАЛИЗАЦИЯ: МИФ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ? // Вестник Алтайской академии экономики и права. – 2023. – № 10-2. – С. 262–266; URL: <https://vaael.ru/ru/article/view?id=3021> (Дата обращения: 06.07.2024).
12. Сергеев А.А. Структура производственных отношений социализма / А.А. Сергеев. – М.: Наука, 1979. 240 с.
13. Карасёва Л.А. Методологический и политэкономический потенциал современной экономической науки / Л.А. Карасева // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. – 2014. – № 3. – С. 74-79. – EDN STYOWR.
14. Карасёва Л.А. Нетрадиционный взгляд на методологический и аналитический потенциал классической политической экономии. Часть II. Методологический и аналитический потенциал новой политической экономии для развития и современного использования в условиях системного кризиса общественной жизни / Л.А. Карасева // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Экономика и управление. – 2020. – № 2(50). – С. 241–253. – EDN FIEEВ.
15. Бузгалин Александр Владимирович, Колганов Андрей Иванович Глобальный капитал. В 2-х тт. Т. 2 Теория. Глобальная гегемония капитала и ее пределы («Капитал» re-loaded). Издание 3-е, испр. и сущ. доп. М.: ЛЕНАНД, 2015. 904 с.
16. Карасёва Л.А. Механизм торможения в экономической теории / Л.А. Карасева // Вопросы политической экономии. – 2022. – № 4. – С. 89–100. – DOI 10.5281/zenodo.7521908. – EDN PFSMRK.
17. Чумаков А.Н. Глобализация или деглобализация? / А.Н. Чумаков // Век глобализации. – 2023. – № 3(47). – С. 19–34. – DOI 10.30884/vglob/2023.03.02. – EDN UJAYDK.
18. Пороховский А.А. Цивилизационное значение политической экономии (статья, посвященная 210-летию кафедры политической экономии экономического факультета МГУ и подготовленная к Международной научной конференции «Экономическая система современной России») / А.А. Пороховский // Российский экономический журнал. – 2015. – № 3. – С. 76–85. – EDN UBQYVR.
19. Карасёва Л.А. Отзыв на автореферат диссертации Гудковой Т.В. на тему: «Трансформация фирмы в условиях цифровой экономики», представленной на соискание ученой степени доктора экономических наук по специальности 5.2.1 – экономическая теория» URL: <https://dissovet.msu.ru/>

download/c484e86c-9919-11ee-8d3f-005056b96f20 (Дата обращения: 30.07.2024).

20. Карасёва Л.А. Институционализация экономических интересов в социально-экономическом проектировании развития территорий / Л.А. Карасева, А.М. Зинатулин, М.Р. Топалян // Проблемы развития территории. – 2018. – № 1(93). – С. 42–56. – EDN YNUKIK.

21. Карасёва, Л. А. Институциональные иллюзии и действительные проблемы хозяйственного механизма российской экономики / Л. А. Карасева // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Экономика и управление. – 2017. – № 1. – С. 24–31. – EDN YGSJBL.

22. Дзарасов С.С., Меньшиков С.М., Попов Г.Х. Судьба политической экономики и ее советского классика. М: Альпина Бизнес Букс, 2004. 454 с

23. Воейков М.И. Судьба отечественной политической экономики / М.И. Воейков // Экономическая наука современной России. – 2005. – № 2(29). – С. 166–173. – EDN IEZYRL.

24. Федоров В.П. Общая теория стимулов: монография. М.: КНОРУС, 2021. 218 с.

Do modern theories of economics need a methodological culture of political and economic research?

Karaseva Lyudmila Arshavirovna

Doctor of Economics, Professor,

Tver State University, Tver, Russian Federation

E-mail: karasevatvgu@yandex.ru

Abstract. In conditions when the main meaningful meaning of the choice of the Russian way forward is formed, the problem of the formation of economic theory, adequate to the modern stage of development of national and world economies, whose economic systems are in a state of deep transformation, is actualized more than ever. Economic science in the “new reality” is faced with such phenomena as the socialization of the economic life of modern society, the economization and financialization of politics and the politicization of the economy in the context of the globalization process, again highlighting the question of the place and directions of the development of political economy in economic science. Therefore, there is a serious question about the paradigm of modern economic theory, which would absorb the reflection of these new processes. For this reason, this material is a kind of attempt to integrate into the ongoing discussion about the place and development of political economy, about expanding the subject of economic theory [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7; 8], offering an author’s methodological perspective on the principal issues of discussion. Participation in the discussion is also important from the point of view of the position of research teachers leading disciplines included in one capacity or another in economic theory. And this means - developing the criterion-value socio-economic worldview of future specialists, their methodological culture of research.

Keywords: unrealized potential of methodological culture of research; methodology of political and economic research; specifics of the study of economic systems in deep transformation; globalization and global capital